

прав человека и основных свобод при рассмотрении судом конкретного дела в число новых обстоятельств как основания пересмотра судебного постановления по следующим причинам.

Во-первых, решения Европейского Суда по правам человека имеют особую природу, в них констатируется именно факт нарушения Конвенции, в отличие, например, от признания не соответствующей Конституции РФ определенной нормы национального законодательства, установленного Конституционным Судом РФ.

Во-вторых, вновь открывшиеся и новые обстоятельства по своей природе появляются независимо от воли судьи, принявшего судебное постановление, а установление нарушения норм Конвенции предполагает, что такое нарушение произошло по вине судьи при принятии судебного постановления, что породило судебную ошибку.

В-третьих, реализация решения Европейского Суда по правам человека должна происходить не только в отношении определенного субъекта, который обращался с жалобой в Европейский Суд по правам человека, но также и в отношении иных лиц, в отношении которых вынесены судебные постановления, содержащие аналогичные нарушения норм Конвенции, установленные Европейским Судом по правам человека, в случае наличия заинтересованности и инициативы названных лиц.

Н. В. Кравчук¹

ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПО ВОПРОСАМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА В СУДЕ

Защита прав и интересов ребенка остается предметом внимания ученых и практиков уже многие годы². При этом многие вопросы в этой области так и остаются неурегулированными и пути их решения вызывают горячие дискуссии в научном сообществе.

Одним из таких вопросов является вопрос представительства интересов ребенка в суде. Отмечается, что ограниченность правосубъектности ребенка

¹ Доцент кафедры публичной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член Экспертного совета при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, кандидат юридических наук.

² См., например: Участие детей в деятельности по защите своих прав: межрегиональный тематический доклад (в соавт.). М., 2010; Бурковская А.А. О правовых аспектах защиты прав детей в судебном порядке // Вестник Российской правовой академии. 2010. № 1; Реутов С.И. Правовые вопросы разрешения споров о месте жительства детей при раздельном проживании родителей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 2.

и отсутствие законодательно закрепленного процессуального статуса несовершеннолетнего влияет на уровень защиты его/ее прав. Невозможность для ребенка не только принять активное участие в судебном процессе, но и инициировать дело по защите своих прав делает вопрос представительства ребенка особенно актуальным.

В этом контексте представляет интерес практика Европейского суда по правам человека.

Важно отметить, что Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод¹, на основании которой работает Суд, не выделяет ребенка в качестве специального субъекта прав. При этом, согласно ст. 1 Конвенции, «Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разд. I настоящей Конвенции». Дополнительно ст. 34 Конвенции, закрепляющая право подачи индивидуальных жалоб, предусматривает, что «Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

Таким образом, Конвенция не устанавливает никакого требования относительно правоспособности лица, обращающегося в Суд. По сути, единственное требование к такому лицу — являться жертвой нарушения права, предусмотренного Конвенцией (*ratione personae*). Следовательно, в Европейский суд может обратиться и ребенок, не обладающий правом на защиту в суде на национальном уровне.

Решения Суда говорят о том, что ребенок, несмотря на специфику его правового статуса, обладает в полном объеме всеми теми же правами, что и взрослый правоспособный человек, в том числе и правом на доступ к правосудию.

Как отмечает Изабель Берро-Левефр, судья Европейского суда, в Суд обращается незначительное количество детей². Разумеется, мы говорим о заявлениях, поданных самими детьми или с их непосредственным участием, а не о жалобах, в которых ребенок указан в качестве заявителя по формальным основаниям³.

Несмотря на то что жалоб, поданных детьми, или в интересах детей, пропорционально не так много, Суд смог сформировать свою позицию относительно вопросов, связанных с представительством интересов ребенка.

¹ СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

² Isabelle Berro-Lefevre. Improving children's access to the European Court of Human Rights. International justice for children. Council of Europe publishing. 2008. P. 70.

³ Так, в широко известном деле *Nachova v Bulgaria* (решение ЕСПЧ от 6 июля 2005 г.), касавшемся дискриминации цыган, одной из заявителек было на момент подачи жалобы 3 года.

Первый, наиболее распространенный, как на национальном уровне, так и в Европейском Суде, тип представительства — представительство интересов ребенка его родителями или иными законными представителями.

Рассмотрим несколько таких дел.

Одному из заявителей в деле *Asenov and others vs Bulgaria*¹ (дело касалось плохого обращения со стороны полиции под арестом) было 14 лет, когда его арестовали и поместили под стражу. Жалобу в Европейский Суд о случившемся подали совместно три заявителя — несовершеннолетний Антон Асенов и его родители. Причем родители пояснили, что стали заявителями исключительно для того, чтобы представлять интересы ребенка. После достижения им совершеннолетия родители передали ему возможность представлять свои интересы и отказались от участия в деле в качестве заявителей.

Рассматривая это дело, Европейский суд установил, что на основании представленных доказательств невозможно установить, было ли в действительности к заявителю применено плохое обращение. Интересно, что именно в этом деле Суд впервые установил процедурное нарушение ст. 3 (запрещение пыток), отметив что в случае жалоб заключенного на обращение в нарушении ст. 3 должно быть проведено эффективное расследование. Один из важнейших прецедентов, таким образом, появился именно благодаря определенному возрасту заявителя. Учитывая его уязвимость и повышенные сложности, связанные с получением ребенком доказательств плохого обращения, Суд счел возможным наложить на государство дополнительные обязательства по расследованию дела.

Дело *Tyrer vs the United Kingdom*² касалось 15-летнего мальчика «ранее прилежного поведения», приговоренного судом к телесному наказанию (наказание розгами широко применялось в Великобритании относительно недавно и было официально отменено именно после вынесения Европейским Судом решения по этому делу). Порка розгами была наказанием за участие в драке в школе, повлекшей легкие телесные повреждения старшеклассника. Энтони М. Тайрер должен был снять брюки и трусы и наклониться над столом. Его удерживали двое офицеров полиции, а третий наносил удары розгой. В его жалобе в Европейский Суд интересы ребенка были представлены его отцом. Европейский суд признал рассматриваемое обращение «институционализированным насилием»³ и нарушением ст. 3 Европейской конвенции.

Как видим, дела в защиту интересов ребенка в Европейском Суде зачастую становятся основанием для вынесения Судом принципиально важных решений, используются впоследствии в качестве прецедента по широкому кругу дел и могут стать основанием значимых изменений в законодательстве страны.

¹ Решение ЕСПЧ от 28 октября 1998 г.

² Решение ЕСПЧ от 25 апреля 1978 г.

³ Параграф 33 решения.

Казалось бы, национальное право России и практика Европейского суда относительно представительства интересов ребенка его законными представителями совпадают в своих подходах. Однако есть ряд дел, демонстрирующих некоторые различия.

Так, в деле *Scozzari and Giunta vs Italy*¹ мать двоих детей (11 лет и 4 года) была ограничена судом в своих родительских правах по отношению к ним в связи с тем, что медицинская экспертиза установила у нее «изменения личности»² и отсутствие способности адекватно воспринимать реальность, в том числе определять, что хорошо и что плохо для детей и, следовательно, защищать их интересы. Ее дети были переданы на воспитание в сельскохозяйственную общину, руководители которой в свое время обвинялись в насилии над детьми. Многократные попытки матери обжаловать помещение детей в данную общину, а также наложенный судом запрет на общение с детьми на национальном уровне оказались безуспешными, и она обратилась в Европейский суд. В своих предварительных возражениях Правительство Италии заявило, что мать не имеет права представлять интересы детей в связи с тем, что ее родительские права были ограничены, существовал конфликт интересов детей и их матери и на тот момент еще не было окончено расследование уголовного дела по обвинению матери в нарушении прав детей. На это Европейский суд заявил следующее:

«...В принципе лицо, не имеющее полномочий по внутреннему законодательству представлять другое лицо, может тем не менее действовать в интересах этого лица перед (Европейским. — Н.К) судом. В частности, несовершеннолетние могут обратиться в Суд даже, или, на самом деле — тем более, если их интересы защищаются матерью, находящейся в конфликте с властями и оспаривающей их решения и действия как несоответствующие правам, гарантированным Конвенцией... Суд считает, что при конфликте между кровной матерью и лицом, назначенным властями в качестве опекуна ребенку, существует опасность того, что некоторые интересы ребенка не будут представлены вниманию Суда и несовершеннолетний, таким образом, лишится эффективной защиты своих прав. Следовательно... хотя мать и была лишена родительских прав — и собственно, это и есть одно из действий, которые она обжалует, ее статус кровной матери достаточен для того, чтобы обращаться в Суд в интересах ее детей в целях их защиты»³.

Суд постановил, что мать, ограниченная в правах (лишенная родительских прав), имеет право как кровная мать своих детей подавать жалобу в Европейский суд в их интересах. Такой подход демонстрирует, что ребенок, не имеющий *locus standi* по национальному праву, может подать жалобу

¹ Решение ЕСПЧ от 13 июля 2000 г.

² Параграф 24 решения.

³ Параграф 138 решения.

в Европейский суд, не имея назначенного в обычном порядке представителя, или представителя *ad litem*. Тот же подход был использован Судом и в деле *A v. the United Kingdom*, которое будет рассмотрено ниже и в более позднем определении по делу *Giusto-Bornacin v. Italy*¹, в котором было отмечено, что следует избегать чересчур ограничительного или чисто технического подхода к представительству детей перед органами Конвенции. Следует принимать во внимание в первую очередь связь между ребенком и его представителями, смысл и цель жалобы и учитывать все возможные конфликты интересов.

Еще одно дело, интересное как с точки зрения подходов Суда к вопросу о том, в каких случаях родители могут представлять интересы детей, а также с точки зрения трактовки Судом эффективности средств внутренней защиты — дело *X and Y vs the Netherlands*², касавшееся изнасилования психически неполноценной 16-летней девушки в детском доме. Национальный суд отклонил жалобу отца на отказ в возбуждении уголовного дела в связи с тем, что отец, в силу действующего уголовного законодательства, не имел права подавать жалобу на подобное нарушение от имени своей дочери или в ее защиту даже учитывая тот факт, что сама она также не могла подать жалобу в силу своей неполноценности. Согласно положениям процессуального законодательства отец не смог и обжаловать вынесенное судом решение. Европейский суд, исследовав национальные процедурные гарантии обжалования законным представителем (чье право на представительство, *per se*, не оспаривалось) в ситуациях, когда затронуты права детей, пришел к выводу о нарушении ст. 8 Конвенции вследствие отсутствия эффективной защиты.

Несмотря на то что данное дело касалось, по сути, права на участие в уголовном судопроизводстве, практика использования этого прецедента показывает, что правовой стандарт, установленный Судом, может быть применен и в случаях отсутствия эффективной процедуры обжалования действий должностных лиц в рамках гражданского судопроизводства.

Интересен вопрос полномочий представителя, назначенного государством для защиты прав детей.

Жалоба *S.P., D.P., and A.T. against the United Kingdom*³ (11, 10 и 6 лет соответственно) была подана в Европейский суд господином Люком Клеменсом, английским юристом, назначенным для защиты прав и интересов детей по делу об установлении опеки над ними. В связи с тем, что несмотря на срочность дела и необходимость помещения детей под опеку в скорейшем времени рассмотрение дела откладывалось, г-н Клеменс счел необходимым обратиться в интересах детей с жалобой в Европейский суд. При рассмотрении дела Правительство Великобритании подняло вопрос о его полномочиях, заявив, что он был нанят исключительно для представления конкретного

¹ *Isabelle Berro-Lefèvre*. Improving children's access to the European Court of Human Rights. International justice for children. Council of Europe publishing. 2008. P. 71.

² Решение ЕСПЧ от 26 марта 1985 г.

³ Жалоба № 23715/94, постановление ЕСПЧ от 20 мая 1996 г.

дела в суде на национальном уровне и не имеет длящегося права представлять интересы детей по иным делам или в иных инстанциях. Действовавшая во время рассмотрения дела Европейская комиссия¹, изучив дело, в первую очередь отметила, что дела о нарушении прав детей требуют особо тщательного рассмотрения, в котором, возможно, не нуждаются дела о нарушении прав взрослых. Исходя из того, что положения Европейской конвенции будучи призванными защищать права человека должны интерпретироваться и применяться практически и эффективно, и проанализировав сложившуюся ситуацию, а именно: отсутствие иного представителя интересов детей (при том, что мать в этом не заинтересована, а власти являются предметом критики по данному делу), г-н Клеменс продолжает в Европейском суде отстаивать именно те интересы детей, что были предметом рассмотрения суда на национальном уровне, конфликт интересов между ним и детьми отсутствует, заключила, что жалоба, поданная г-ном Клеменсом, является, с точки зрения Конвенции, поданной надлежащим лицом.

Рассмотренное дело представляет собой яркий пример «неформального» отношения Европейского суда к подтверждению полномочий представительства. Бывший государственный представитель детей, не имевший от них или от государства полномочий на ведение дела в Европейском суде, был тем не менее в интересах детей допущен к ведению дела.

Предметом данной статьи является вопрос представительства ребенка в суде. Такая формулировка заставляет в первую очередь обратить внимание на осуществление функций представителя родителями ребенка и иными лицами. Однако, с точки зрения Европейского Суда, интересы несовершеннолетнего может представлять и сам несовершеннолетний, даже в тех случаях, когда по национальному праву он не имеет права обратиться в суд за защитой.

Здесь примером может быть дело *A vs the United Kingdom*². Это дело считается знаковым, так как рассматривая его, Суд впервые коснулся вопроса телесного наказания ребенка родителями. Заявитель 13 лет (на момент подачи жалобы), пожелавший остаться неизвестным³, был жертвой насилия со стороны отчима, который регулярно бил его палкой. Против отчима было возбуждено уголовное дело, однако он был оправдан со ссылкой на положение обычного права о «разумном наказании», согласно которому родители имеют право на определенное воздействие на детей в целях воспитания и в разумных пределах. Европейский суд установил, что право мальчика на защиту от унижительного наказания (ст. 3 Конвенции) было

¹ Двойственная система защиты прав во исполнение Европейской Конвенции (Комиссия — Суд) была заменена унифицированным институтом постоянно действующего Европейского Суда как единого органа в соответствии с Протоколом № 11 к Конвенции от 11 мая 1994 г.

² Решение ЕСПЧ от 23 сентября 1998 г.

³ В случаях, если заявитель не хочет раскрывать свою личность, он может попросить об этом Суд. В таком случае его имя не будет обозначено в публичных документах. Однако в своей жалобе в Суд он должен представить о себе полную информацию, включающую и имя (Правило 47 Правил процедуры Суда).

нарушено этим законодательным положением, не обеспечивающим возможность эффективной защиты ребенка от насилия. Следует отметить, что на стадии рассмотрения дела в Европейском суде ребенка представляли профессиональные юристы.

Сделанный выше обзор практики Европейского суда по вопросам представительства интересов ребенка в суде позволяет заключить, что Суд, рассматривая вопрос о том, может ли то или иное лицо представлять интересы ребенка, в первую очередь исходит не из нормы закона, а из интересов ребенка. В случае отсутствия конфликта интересов ребенка и интересов его представителя этот представитель признается надлежащим.

Такое видение вопроса соответствует подходу Суда к защите прав человека через обеспечение реальных возможностей защиты. Такой подход отвечает и нуждам России в области защиты прав и интересов ребенка и его внедрение в законодательство и практику на национальном уровне бесспорно способствовало бы лучшей защите прав и интересов ребенка в суде.

Ю. В. Корулина¹

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА — НАРУШЕНИЕ РАЗУМНЫХ СРОКОВ СУДОПРОИЗВОДСТВА И ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ В СВЕТЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Разумные сроки рассмотрения дел судом и исполнения судебных решений — неперемennые условия справедливого судебного разбирательства согласно подписанным и ратифицированным Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Международному пакту от 16 декабря 1966 г. о гражданских и политических правах, а также правовым позициям Европейского Суда по правам человека².

Несмотря на то что в национальном законодательстве указаны конкретные сроки рассмотрения гражданских дел и исполнения судебных постановлений, проблема судебной волокиты и бесконечного исполнительного производства получила в Российской Федерации повсеместное распространение и приобрела хронический характер.

Длжащееся годами производство по гражданскому делу, многолетнее ожидание получения присужденных денежных сумм и невозможность уско-

¹ Старший научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

² См., например, постановления Европейского суда от 19 марта 1997 г. по делу «Хорнсби против Греции», от 15 февраля 2007 г. по делу «Райлян против Российской Федерации», постановления по жалобам Бурдова против Российской Федерации.